

На нем были черные одежды, перехваченные расшитыми золотом и самоцветами лентами. Чело венчала корона, сработанная из слоновой кости, перламутра и алого коралла; на шее покоилось ожерелье из рогов антилопы, а за поясом висел боевой нож. Черные кудри до плеч чуть вились, меж бровей алела кровавая метка, а в глазах застыла мутная пелена скверны. По мертвенно-бледной коже, точно по старой бумаге, змеились черные жилы, источая могильный хлад.

Сидящие в машине люди узнали в нем типичного верующего, но его личность приводила в замешательство.

Старик Фу нахмурился, в смятении качая головой:

— На нем корона, но облачение паломника... Неужели царь Мокэцзе? Нет, не может быть. Если это Мокэцзе, зачем ему строить храм для забоя единоверцев? Стой! Кровавая жатва! Это Чжаньдуоло! Только он так ненавидел буддизм, что велел ровнять монастыри с землей и резать монахов. Но как... — взгляд Фу Гохая снова упал на одеяние воскресшего. — Неужели он сам был истовым последователем?

Фу Яньтао же, замороженный почти демонической красотой мертвеца, не сводил с него жадного взгляда.

Царь в черном, окутанный дыханием смерти, холодно взирал на незваных гостей. Он шевельнул фиолетовыми губами, произнося тягучие слова:

— Попрание власти... Вам место в преисподней.

— Осторожно! Он нападает! — Ань Тин, не сводившая глаз с противника, первой заметила мимолетное движение его пальцев и выкрикнула предупреждение.

Цзян Жуцзин тоже всё видел, но в груди вскипела ярость от собственного бессилия.

Будь он в прежней форме, уже давно бы бросился в бой — и плевать, человек перед ним, демон или призрак. Но сейчас его сил не хватило бы даже на то, чтобы остановить летящую повозку, не говоря уже о таком чудовище.

«Нужно что-то придумать. Как там поступал тот парень, когда сталкивался с превосходящим врагом? Что он делал?»

Времени на раздумья не оставалось, и Жуцзин выпалил первое, что пришло на ум:

— Погоди!

Но Чжаньдуоло не собирался слушать. Он выхватил нож и наотмашь рубанул воздух. Цзян Жуцзин по привычке вскинул клинок для блока, но страшный удар сбил его с ног и отшвырнул на добрых десять метров. Сметая на своем пути каменные изваяния, он врезался в колонну и сполз на землю, содрогаясь в конвульсиях.

Ань Тин и Дэн Цин вздрогнули, порываясь помочь, но замерли, вспомнив о машине.

Их долг — защита пассажиров. Точнее, старика Фу.

Ань Тин вскинула пистолет, осыпая Чжаньдуоло градом пуль, пока Дэн Цин лихорадочно вытаскивал из багажника тяжелое вооружение. Царь, не знавший подобного оружия, на мгновение замешкался под обстрелом, однако пули, едва впившись в его грудь на полсантиметра, застревали в мертвой плоти. Раскаленный свинец на миг обжигал кожу, но та мгновенно восстанавливалась.

Смахнув с себя расплющенные гильзы, Чжаньдуоло помрачнел еще сильнее. Он гневно сверкнул затянутыми дымкой глазами.

— Цареубийство... За это вы пойдете по пути скота! — он перехватил нож обеими руками и начал быстро шептать слова молитвы.

Чем быстрее он читал, тем больше казалось, что клинок оживает. По лезвию разлилось багровое сияние, пульсируя, точно кровь в жилах, пока весь нож не стал пугающе алым.

Ань Тин и Дэн Цин побледнели: враг готовился нанести сокрушительный удар.

Ачамоло тихо вздохнул и раскрыл свою сутру.

И в этот миг раздался голос, полный холодного упрека:

— Так это тем самым ножом ты зарезал девяносто девять своих братьев и сестер?

Чжаньдуоло замер. Алое свечение на клинке мгновенно погасло.

Он медленно повернул голову и вперил налитые кровью глаза в Цзян Жуцзина.

— Твоя душа будет развеяна по ветру, — процедил он сквозь зубы. — Тебе никогда не войти в колесо перерождений.

Жуцзин, опираясь на воткнутый в землю меч, с трудом поднялся и внезапно расхохотался:

— Ха-ха-ха! Убийца родни... По-моему, это тебе заказан путь к новому рождению!

Царь поморщился от боли, он плотно сжал губы и с яростным криком бросился на юношу.

— Малой, беги! — отчаянно заорал Дэн Цин.

— Огонь! — Ань Тин в долю секунды сменила магазин.

— «Обретая самадхи, отринув мирскую суету...» — Ачамоло начал читать нараспев.

Когда лезвие уже замерло над головой Жуцзина, тот вдруг спросил, совершенно невпопад:

— Что же они с тобой сделали?

Сверкающая сталь остановилась в волоске от его лба.

Троица, готовая броситься на выручку, остолбенела.

Взгляд Жуцзина вдруг наполнился такой пронзительной нежностью и печалью, будто он оплакивал все страдания мира. В его голосе зазвучала искренняя боль.

— Бедное дитя... Что же они сотворили с тобой, раз ты так мучишься?

Он говорил тихо, почти шепотом, словно боялся спугнуть хрупкую тишину.

Бесстрастие Чжаньдуоло сменилось растерянностью.

— Они...

Жуцзин печально склонил голову, словно его сердце разрывалось от сострадания.

— Тебе пришлось столько вынести...

Он выпустил рукоять своего меча и медленно, с опаской, протянул правую руку. Замерев на мгновение, он спросил с робкой надеждой:

— Можно мне... погладить тебя по голове? Ты ведь на самом деле... добрый ребенок.

Взгляд царя немного прояснился. Он едва заметно, почти неосознанно, кивнул.

Жуцзин улыбнулся — чистой, лучистой улыбкой лотоса, способной, казалось, даровать спасение каждой живой душе. Он мягко коснулся ладонью макушки Чжаньдуоло, погладил его и прошептал:

— Ты такой славный.

Звонко ударившись о камни, нож выпал из рук царя. Чжаньдуоло отступил на пару шагов, его взгляд метался, а на лице отразилось полное смятение.

— Святые угодники... это что еще за приемы? — выдохнул ошеломленный Дэн Цин.

Жуцзин придал лицу скорбное выражение, добавив в голос нотку горького понимания:

— Ты ненавидишь меня?

Царь застыл как вкопанный, не в силах вымолвить ни слова.

— Я лишь хотел помочь, — Жуцзин виновато опустил глаза.

Чжаньдуоло немного расслабился.

Юноша снова посмотрел на него — открыто и милосердно:

— Если у тебя на сердце тяжесть, доверься мне. Я разделю твою ношу.

Тишина затянулась. Жуцзин уже начал сомневаться, получится ли доиграть эту роль до конца, и подумывал, как бы подать знак остальным, но тут Чжаньдуоло заговорил.

— Они сотворили со мной ужасное.

Жуцзин оторопел. «Неужели сработало?»

Он замер, не сводя глаз с мученика, всем своим видом выражая готовность выслушать любую исповедь.

Чжаньдуоло, казалось, окончательно провалился в бездну прошлого. Он зажмурился, его ресницы мелко дрожали.

— Я взывал о помощи, искал её повсюду, но никто не пришел спасти меня из огня, — он глубоко вздохнул и открыл глаза. — И тогда я вырезал их всех. До единого.

Жуцзин в душе выругался последними словами, но на лице сохранил маску глубокой тревоги:

— Но как же твой отец...

— О, нет, — мягко перебил его Чжаньдуоло.

В его глазах промелькнул странный блеск, а голос стал вкрадчивым:

— После того как я убил их, я ушел в монастырь. И грех мой... был отпущен.

Жуцзин застыл в полнейшем изумлении. Такого поворота он не ожидал.

<http://bllate.org/book/17530/1704772>